

Протоиерей Александр МЕНЬ

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ БИБЛЕИСТИКИ

1. Основные принципы и аспекты

Библейская наука сложилась в России сравнительно поздно и фактически получила развитие лишь в XIX веке. Это связано с особенностями динамики русского богословия, которое в течение долгого времени выражалось не столько в теоретической, умозрительной форме, сколько в символике церковного искусства. Кроме того, кризисы, вызванные Ордынским игом, реформами патриарха Никона (1605—1681) и преобразованиями Петра I (1672—1725), выдвигали на первый план задачи преимущественно церковно-практические. В XIX веке, как отмечает протоиерей А. Шлеман, «свободное обсуждение проблем, возникших из западного — критического и исторического — подхода к Библии, было подвержено строгой цензуре, едва допущалось в Духовных Академиях. И хотя недостатка в талантах не было, хотя качественно русские библеисты стояли на уровне мировой науки, творческий труд их оставался ограниченным»¹. Тем не менее, однажды возникнув, русская библеистика проложила собственные пути и выработала собственные фундаментальные принципы.

Первым и важнейшим из этих принципов стала ориентация на патристическое наследие. Вслед за отцами Церкви русские православные экзегеты рассматривали и рассматривают интерпретацию Библии как «труд веры», как познание слова Божия. Именно это имел в виду Святейший Патриарх Пимен, когда призывал изъяснять Писание «в духе святоотеческого толкования»². Такая ориентация надежно предохраняла русскую библеистику от подмены богословского подхода чисто историческим и критическим. Известный русский мыслитель протоиерей Сергей Булгаков (1871—1944) писал: «Слово Божие, хотя и может быть изучаемо как памятник, никогда не должно становиться только памятником, потому что в его исторически данной и временно обусловленной оболочке содержатся глаголы Жизни Вечной, оно есть в этом смысле символ, место встречи божеского и человеческого»³. В то же время верность патристическому учению понималась православными экзегетами двояко. Одни комментаторы не считали возможным выходить за формальные рамки наследия святых отцов, превращая толкование в «катены», антологии из святоотеческих текстов. Подобный метод нередко сочетался со своего рода фундаментализмом, проникавшим в русское богословие через протестантские источники. Другие — напротив, видели в основных установках отцов Церкви в первую очередь принципиальную модель, указание путей для дальнейшего развития библейской науки с привлечением вспомогательных дисциплин (истории, археологии, палеографии и других). Сторонники этого взгляда подчеркивали, что следовать не букве, а духу патристики, перед которой стояла насущная проблема: допустима ли в христианстве рецепция элементов светской культуры. В целом отцы Церкви дали на этот вопрос позитивный ответ. Многие из них были образованнейшими людьми своего времени, хорошо знакомыми с античной литературой, историографией, филологией и философией и использовали свои знания в экзегетике. Так, Ориген и блаженный Иероним, работая над библейским текстом, неоднократно обращались к греко-римским авторам и Филону, а святой Василий Великий использовал данные античной науки при написании своего «Шестоднева». Пример отцов Церкви открыл для русских библеистов возможность и необходимость творческого усвоения новейших приемов исследования, герменевтики, результатов исторических изысканий.

С патристикой теснейшим образом связана и вторая черта нашей науки о Библии: признание Богочеловеческой природы Священного Писания. Почти все отцы Церкви, особенно жившие в «золотой век» патристики, подчеркивали индивидуальный стиль священных авторов и их активное участие в процессе создания канонических книг. Русские богословы также отмечали наличие в Библии двух аспектов:

божественного и человеческого. В 1905 году профессор МДА Сергей Глаголев (1865—1937) писал: «Божественная мысль в Библии изложена человеческим языком, не только нации и эпохи, но языком индивидуума — языком Исайи, Иеремии, Павла, Иоанна»⁴. Сочетание этих двух аспектов понималось в свете православного учения о синергизме небесного и земного. Позднее русские толкователи усматривали здесь прямую аналогию с догматом IV Вселенского Собора о Богочеловечестве Иисуса Христа. В тезисах, представленных на I Конгресс православных богословов (Афины, ноябрь 1936 г.), Борис Иванович Сове (1899—1963) писал: «Механически-буквальное понимание богодухновенности священных книг — достойное иудейского и консервативного протестантского богословия — не может быть защищено православными богословами, как уклоняющееся в своего рода «монофизитство», а должно быть исправлено в свете Халкидонского догмата о Богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки, анахронизмы, которые могут быть исправлены внебиблейскими данными, обогатившимися особенно в последние десятилетия историей Древнего Востока. Ложный апологетический взгляд на Библию как энциклопедию исторических и естественных наук должен быть оставлен. Ветхозаветные боговдохновенные писатели — прежде всего богословы и законоучители. С этой точки зрения надлежит рассматривать учение о творении мира, о всемирном потопе и т. д. Сущность Библии в ее богословии»⁵. Мысль Б. И. Сове нашла поддержку у русского историка Церкви и библиста Антона Владимировича Карташева (1875—1960). «Поскольку, — писал он, — святоотеческая мысль утвердила положение о полноте действия естественной человеческой психики и отражении ее в самих писаниях священных авторов, постольку догматически оправданы и узаконены и те методологические операции над текстом и содержанием Библии, которые требуются научным знанием. Критическая работа тут уместна потому, что она прилагается к подлежащему ее ведению человеческому элементу: он здесь полностью дан. Дан, ибо Библия есть не только слово Божие, но и слово богочеловеческое... Стало быть, формула — «Бог — автор священных книг» должна звучать как монофизитский уклон от нашего Халкидонского православия»⁶. Таким образом, верность духу патристики вела к признанию выводов новой исагогик и решительно устраняла фундаменталистский соблаз.

Третьей особенностью русской экзегетики и герменевтики является ее церковность. Церковь для православного сознания есть первичная реальность, предшествующая Библии. Именно Церковь сформировала и определила канон, включив в него то, что соответствовало ее вере, ее Священному Преданию, и устранив — несоответствующее ему. «Церковь, — писал русский экклезиолог архиепископ Иларион Троицкий (1886—1929), — существовала и тогда, когда ни одной книги Священного Писания Нового Завета еще не было. Ведь книги Нового Завета написаны апостолами уже после: в течение более нежели полувека от начала исторического бытия Церкви. В написанных ими книгах апостолы оставили памятники своего устного благоговения. Они написаны для Церкви уже существующей»⁷. Это положение естественно распространяется и на Ветхозаветную Церковь, которая установила канон дохристианской части Библии, принятый Церковью Новозаветной. В католическом богословии до II Ватиканского Собора (1962—1965) проводилось четкое разделение между «двумя источниками Откровения» — Писанием и Преданием. Подобная же тенденция отмечалась и в старой русской библеистике; но преодолевать ее она начала раньше, чем у католиков, когда православная мысль пришла к пониманию Библии как органической части Священного Предания.

Церковность русской библеистики не означает отказа от научности и историчности. «Православие, — писал протонерей С. Булгаков, — оставляет свободу научному исследованию в своих пределах, при условии соблюдения уже принятых Церковью определений относительно канона (потому недопустимо по научным основаниям пытаться изменить канон священных книг, их сокращая и восполняя) и наличия веры в основные догматы Церкви»⁸. Впрочем, вначале многие русские библеисты относили к области догматической и научные вопросы атрибуции, и хронологии священных книг. Но это мнение не получило общецерковной санкции и отвергалось рядом выдающихся экзегетов, в частности — представителями русской библейско-исторической школы. Они рассматривали проблемы авторства и датировок как подлежащие критической проверке и здесь опять-таки следовали патристике, поскольку у святых отцов существовали самые различные исагогические мнения. Дискуссии среди отцов об авторстве и времени написания библейских книг показывают, что они не придавали этим вопросам догматического значения. Первым в русском бого-

словии сформулировал этот принцип богослов, мыслитель и поэт Алексей Степанович Хомяков (1804—1860). Откликаясь на гипотезы радикальной критики, оспаривавшей подлинность книг Нового Завета, Хомяков писал: «Пусть! Но они от Церкви, и вот все, что нужно для Церкви. Имя ли Марка сообщает авторитет Евангелию, которое ему приписывается, или имя ли Павла дает авторитет посланиям? Нисколько. Но святой Марк и святой Павел прославлены за то, что найдены были достойными приложить имена свои к Писаниям, которые Дух Божий, выразившийся единодушным голосом Церкви, признал за Свои»⁹. А в начале XX века Булгаков развил этот принцип, утверждая, что религиозный авторитет той или иной библейской книги «зависит не от исторической точности надписания их автора, но от церковной оценки содержания этой книги, выражающейся в признании ее каноничности и опирающейся на ее содержание».

И наконец, от патристики русская библейская наука заимствовала понятие о полисемантическом характере Писания, требующего не одного, а многих способов толкования. Из этого следует, что типологический, нравственно-практический, историко-литературный, исторический и др. методы экзегезы не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Развитие русской библеистики сопровождалось дискуссией с инославными концепциями (особенно радикальными), а также внутренней дискуссией между подходом формально-патристическим (а по существу близким к фундаментализму) и тем, который стремился не автоматически копировать отцов, а идти вперед, следуя их основным исходным принципам¹⁰.

2. Исторические истоки

Священное Писание, в церковнославянском переводе, пришло на Русь, возможно, еще до Крещения Руси (988 г.). Христианизация страны при князе Владимире привела к широкому, по тем временам, распространению списков священных книг среди населения. Археологические открытия (особенно в Новгороде) доказали, что уровень грамотности в средневековой Руси был довольно высок. Уже сын князя Владимира Ярослав собрал в Киеве богатую библиотеку, в которой несомненно находились экземпляры Писания. Полагают, что в домонгольский период Русская Православная Церковь имела более 100 тысяч рукописей Библии¹¹. «Через Библию читатель древней Руси соприкоснулся с самыми различными сторонами культуры, не только народов древнего Востока, но и греко-римского мира. Несомненно влияние Библии на процесс становления древнерусской литературы»¹². Однако это были еще отдаленные предпосылки для возникновения самостоятельной экзегезы. В задачу русских пастырей, богословов и «книжных людей» в первую очередь входило ознакомление читателей с самим Писанием и комментариями святых отцов. Проблемы миссии, просвещения и переводов были тогда наиболее актуальными.

Золотоордынское иго (1280—1480) надолго затормозило развитие русской культуры, но не подорвало ее корней. Уже во второй половине этого периода духовное и культурное возрождение стало очевидным фактом (Преподобные Сергей Радонежский, Епифаний Премудрый, Андрей Рублев). Возродился и интерес к Библии. Достаточно указать на редакционные и переводческие труды святителя Алексия, митрополита Московского (около 1295—1378). Укрепление и возвышение Москвы совпало с периодом упадка и гибели Византии, бывшей дотопе оплотом Православной Церкви. С XV века эта роль переходит к Руси. Формирование централизованного Московского государства требовало и церковного единства. Но именно в это время (XIV—XVI вв.) по стране прокатилась волна еретических и реформистских движений. Их представители, ссылаясь на Библию, выступали против иконопочитания, иерархии, монашества и даже проповедовали унитарянские взгляды¹³. Эти явления — параллельные синхронным всплшкам предреформации на Западе — придали русскому богословию полемический и апологетический характер. Борьба с ересью была одной из побудительных причин создания общепринятого текста Священного Писания («Геннадиевская Библия» 1499 г.). Тогда же Русь познакомилась с первой системой герменевтических принципов. Их сформулировал преподобный Максим Грек (1470—1555), афонский монах, бывший прежде учеником Савонаролы¹⁴. Он указал на плюральность патристической герменевтики и строил свои толкования на основе синтеза различных методов.

С XVII века начинается процесс сближения русской и западной культур. Появляются первые богословские школы, которые попеременно испытывают влияние латинской и протестантской традиций. В 1685 году в Богоявленском монастыре в Москве

возникает Славяно-греко-латинская Академия, предшественница Московской Духовной Академии¹⁵. Ее основатели, греческие монахи, братья Лихуды, строили преподавание на основе православного Предания. Софроний Лихуд († 1730) продолжил библейские труды преподающего Максима Грека по исправлению славянского перевода. Библеистики в Академии занимались иеромонахи Макарий Петрович († 1766), архимандрит Феофилакт Горский († 1788), Тихон Малинин († 1798), впоследствии архиепископ Астраханский, архимандрит Гавриил Петров († 1801) и другие. «Кажется, — писал русский экзегет епископ Михаил Лузин, — именно влиянию этих мужей, знатоков и любителей Библии, надобно приписать первый сильный толчок к движению и довольно быстрому развитию научного изучения и толкования Библии»¹⁶. Им принадлежат ряд комментариев к книгам Священного Писания, большая часть которых осталась, однако, в рукописи. Это были первые еще весьма осторожные шаги. Авторы во многом зависели от латинских и немецких источников, нередко ограничиваясь их переводами и пересказами. И все же библейская наука в России уже зародилась. Ее представители были хорошо знакомы с древними языками и искали в экзегетике самобытных решений. Даже тот факт, что в Духовных школах еще не было специального предмета по изучению Священного Писания (библейская история рассматривалась как часть церковной), не мог остановить развития русской библеистики.

Решающим для нее оказалась деятельность просвещенного и талантливую ученого, митрополита Московского Платона (Левшина; 1737—1812). Будучи ректором Троице-Сергиевой Семинарии, он ввел там систематические занятия по Священному Писанию и сформулировал для комментаторов восемь герменевтических правил, которые требовали искать прежде всего прямого, «исторического» смысла текста, предостерегали от натяжек и поисков «таинственного смысла там, где его нет», а также определяли приемы для разрешения кажущихся библейских противоречий. Митрополит Платон считал, что толкователь не должен замалчивать трудные места Писания, а «решать их ясным и удовлетворительным образом»¹⁷. В том же направлении работал и преподаватель Славяно-греко-латинской Академии Амвросий Подобедов (1742—1818), впоследствии митрополит Петербургский¹⁸. В 1808 году вышло из печати первое русское руководство по герменевтике, то есть принципам экзегезы. Его автором был воспитанник Киевской Духовной Академии, архиепископ Феоктист (Мочульский; 1732—1818). Книга его называлась «Драхма от сокровища Божественных Писаний Ветхого и Нового Завета, то есть сокращение правил при чтении Священного Писания к знанию потребных». Широкою популярностью завоевало толкование на Псалтирь, написанное Иринеем Клементьевским (1753—1818), выпускником Славяно-греко-латинской Академии, впоследствии архиепископом¹⁹. Историк русского богословия протоиерей Г. Флоровский отмечает, что при всех достижениях библеистов этого периода, они еще не дали значительных по оригинальности трудов. Подлинными основателями самобытной науки о Писании в России стали три человека: митрополит Филарет (Дроздов), А. М. Бухарев, протоиерей Г. Паский. Однако прежде чем перейти к характеристике их работ, необходимо хотя бы вкратце коснуться библейских переводов, сделанных в России до появления синодального перевода.

3. Церковнославянская и русская Библия до 1860 года

Еще в древнем «Житии» святого Кирилла, первого переводчика Библии на славянский язык, упоминается о том, что он нашел в Херсонесе «Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами»²⁰. Вопрос о том, что это были за письмены, в науке не решен (большинство историков считает, что в «Житии» речь идет о сирийском переводе). Как бы то ни было, достоверно известно, что Библия появилась на Руси в переводах святых Кирилла и Мефодия и их продолжателей, сделанных на основе Септуагинты. Реконструкцией их труда занимался ряд крупных русских библеистов, в том числе Иван Евсеевич Евсеев (1868—1921), возглавлявший специальную Комиссию по славянской Библии²¹. Были и попытки переводов с еврейского языка (перевод псалмов, осуществленный в XV веке по поручению святого Филиппа, митрополита Московского, неким Федором). Отсутствие книгопечатания вело к возникновению неточностей в рукописных экземплярах священных книг, что требовало постоянного исправления текста. Особенно много потрудились в деле унификации текста Священного Писания святитель Геннадий, архиепископ Новгородский († 1505). Часть священных книг была им отредактирована, часть переведена заново с Септуагинты и Вульгаты²². Дальнейшую работу по исправлению славянской Библии предпринял преподобный Максим Грек, но деятельность его была прервана консерваторами. Максим был предан суду и окончил жизнь в монастырском заточении.

Первопечатная русская Библия вышла в западном крае, где наиболее остро ощущалась культурная и конфессиональная конфронтация. Издание было выпущено бело-русским ученым Франциском Скориной (1490—1541). Скорина назвал свою Библию «русской», поскольку язык ее уже отличался от церковнославянского. Первоначально его Библия была издана в Праге (1517—1519), а затем в Вильне (1525). Скорина частично ориентировался на чешскую Библию 1506 года. Сохранился лишь его перевод книг Ветхого Завета²³. В 1564 году в Москве увидел свет первопечатный церковнославянский «Апостол» (Деяния святых апостолов, Послания, Откровение апостола Иоанна Богослова) диакона Ивана Федорова (около 1510—1583). Вскоре Федоров вынужден был покинуть Москву и нашел пристанище у православного князя Константина Острожского²⁴. В 1581 году по инициативе этого князя и на его средства была опубликована первая полная церковнославянская Библия. В ее основу были положены Вульгата, чешская Библия, «Геннадиевский свод» 1499 года и Библия Скорины. В свою очередь Московская печатная Библия 1663 года опиралась на «Острожскую». При Петре I началась работа по устранению текстологических неточностей московского издания. Труд был завершен в 1751 году выходом «Елизаветинской Библии» (названной так по имени правившей тогда русской императрицы). Однако и это издание неточно воспроизвело древнейший славянский перевод, который еще ждет своей научной реконструкции.

Петровские реформы существенно отразились на русском языке, который стал быстро отдаляться от церковнославянского. Уже в 1699 году немецкий пастор Эрнст Глюк, живший в Лифляндии, писал, что в славянской Библии «русский простолоудин ни одного речения не в состоянии понять». Он сам взялся за перевод Священного Писания на русский язык, но рукопись его была утеряна. В те же годы сотрудник русского дипломатического корпуса перевел с немецкого Псалтирь (1683). С каждым десятилетием потребность в новом переводе возрастала, но острота положения не всеми полностью осознавалась.

В 1792 году на открытом собрании Славяно-греко-латинской Академии ее ректор Михаил Смирнов (1761—1815), впоследствии епископ, зачитал и прокомментировал свой перевод Послания к Римлянам святого апостола Павла. Позднее текст был издан Синодальной типографией и стал первым русским переводом, появившимся в печати. В 1810 году в России был учрежден филиал Британского и иностранного Библиейского Общества, а три года спустя было торжественно открыто Российское Библиейское Общество²⁵. Среди инициаторов его были митрополит Филарет (Дроздов; 1782—1867) и князь Александр Голицын (1773—1844), пользовавшийся большим влиянием при дворе императора Александра I. В 1818 году вышел Новый Завет, в 1823 году — Псалтирь, а затем — ряд других ветхозаветных книг. Общество было интерконфессиональным и выпускало Библию также на языках инославного населения империи. Однако вскоре после восстания декабристов Общество было запрещено (1825), поскольку правительство Николая I боялось, что с общепонятной Библией в массы проникнет дух нонконформизма и вольнодумства.

Часть переводов, сделанных для изданий Общества, принадлежала доктору богословия, протоиерею Герасиму Павскому (1787—1863). Павский был одним из основателей филологии в России, опередившим в своих трудах Гезениуса²⁶. После закрытия Общества его назначили законоучителем наследника престола (будущего Александра II), а затем профессором Петербургской Академии. На лекциях он читал свои переводы Ветхого Завета и давал к ним пояснения. По словам историка Иларiona Чистовича (1825—1893), это был «первый опыт перевода священных книг Ветхого Завета на русский язык, сделанный ученым, владевшим в превосходной степени знанием еврейского и русского языков». Студенты записали перевод, и он разошелся в литографированном издании. В 1841 году по анонимному доносу (автором его был Агафангел Соловьев) против Павского было начато синодальное следствие за распространение неапробированного перевода. Только после смерти Николая I обвинения против Павского были сняты и его трудам отдано должное. Преследованиям подвергся и ученик Павского архимандрит Макарий (Глухарев; 1792—1847), известный миссионер, проповедовавший христианство на Алтае²⁷. Он неоднократно обращался к церковным и светским властям, говоря о необходимости издания Библии на русском языке. Его петиции долго оставались без ответа, и за это время архимандрит Макарий перевел с еврейского все книги Ветхого Завета. Однако ему не только запретили опубликовать перевод, но удалили из миссии и подвергли церковному наказанию. Через много лет, когда с наступлением нового царствования Святейший Синод смог вернуться к вопросу о русской Библии, перевод архимандрита Макария был издан в «Православном Обозрении» (1860—1867).

4. Основатели

Как уже было отмечено, подлинными основоположниками русской библейской науки считаются митрополит Филарет (Дроздов), А. М. Бухарев и протоиерей Г. Павский.

Митрополит Филарет как богослов и церковный деятель сформировался в Александровскую эпоху, период пробуждения религиозной мысли, мистицизма и общественного брожения; последнее тридцатилетие его жизни совпало с годами николаевской реакции²⁸. Ревностный поборник русского перевода Писания, он был активным членом Российского Библейского Общества вплоть до самого его закрытия и лично руководил первым русским изданием Нового Завета. Именно он в 1856 году возобновил вопрос о его переводе. Митрополит Филарет оставил после себя ряд трудов, посвященных исагогике, герменевтике и экзегезе. Хотя некоторые из них, как отмечает протоиерей Г. Флоровский, были написаны по немецким исследованиям (в частности, И. Ф. Буддеус), ключевые концепции митрополита Филарета были вполне самостоятельны. По словам русского библиста Федора Герасимовича Елеонского (1836—1906), он «вывел нашу библейскую науку из тесного круга греко-славянского перевода на широкий научный путь»²⁹. Исследуя Священное Писание, митрополит Филарет придерживался четырех важнейших правил: толковать Библию, исходя из ее оригинальных языков, применять в экзегезе научные методы с привлечением западных трудов, ставить в центре богословские аспекты Библии, сохранять верность духу Православной Церкви и святых отцов. Цельной системы библейского богословия и экзегетики митрополиту Филарету завершить не удалось. Немало осталось рассеянным в сотнях его проповедей. «В них при изъяснении Священного Писания необыкновенно проявилась сила его аналитического таланта. В его «Словах и речах» мы найдем много прекрасных, редких по глубине, новизне и оригинальности мысли истолкований различных мест Библии. Нередко находим в них оригинальные блестящие образцы перевода священного текста»³⁰. Одной из особенностей экзегезы митрополита Филарета было мастерство, с каким он умел сопоставлять тексты для уяснения библейского учения. По словам А. М. Бухарева, он сочетал благоговение к Библии со «свободным дерзованием веры».

Александр Матвеевич Бухарев (1824—1871) был учеником митрополита Филарета³¹. Приняв монашество с именем Феодор, он преподавал библеистику в Московской и Казанской Духовных Академиях. В 50—60-х годах он опубликовал ряд экзегетических монографий: о книге Иова, о пророках и апостольских посланиях. В них он стремился не только дать опыт православного толкования, но и указать на тесную связь Библии с насущными вопросами общественной жизни. Трактую библейские темы, Бухарев явно и прикровенно полемизировал с консерваторами. В Главной книге своей жизни «Исследования Апокалипсиса» (вышла посмертно в 1916 г.) он изложил цельную философию истории как истории Домостроительства и Спасения. Однако желание Бухарева перекинуть мост между Библией и XIX веком нередко приводило его к субъективным и произвольным гипотезам. Многие церковно-общественные идеи экзегета были для своего времени новаторскими. Подобно своему современнику Ф. Ламенне, Бухарев был убежден, что христианство должно стать жизненной основой для развития культуры. Его взгляды вызывали полемiku и осуждение. В результате Бухарев решил, что он найдет большую свободу на светском поприще.

Трагически сложилась и творческая судьба протоиерея Г. Павского, пионера историко-филологического исследования Библии в России и родоначальника традиции библейско-исторической школы. Он был директором Российского Библейского Общества, редактором переводов Священного Писания, переводчиком и толкователем. В своей диссертации «Обозрение Псалмов» (СПб., 1814) он первый из русских библистов обосновал мнение, согласно которому не все псалмы с надписанием «Давидов» принадлежат ему. В комментариях к Песни Песней протоиерей Г. Павский отмечал не только ее мистический аспект, но и аспект буквальный, связанный с темой земной любви. Он внес важные уточнения в ветхозаветные переводы, отказавшись, например, от передачи слова «машиах» (помазанник) как Христос в тех случаях, когда речь шла не о Мессии (что часто встречалось в славянских версиях). Павский первым отметил значение библейских жанров; высказался, хотя и осторожно, в пользу теории Второсайя и принадлежности Книги пророка Захарии двум пророкам. Ко всему этому школьная наука в России была еще плохо подготовлена. Отсюда постоянные нападки на Павского и обвинения его в протестантизме, длившиеся на протяжении всего Николаевского времени. В русской науке он, однако, вошел как классик. Даже протоиерей Г. Флоровский, критиковавший его богословские взгляды, призна-

вал, что «с филологической точки зрения его перевод очень ценен. Он умеет передавать и самый стиль, литературную манеру священных писателей, и просодический строй библейской речи»³². Профессор И. Е. Евсеев подчеркивал, что меры, принятые против протоиерея Г. Павского, отрицательно сказались на всей русской библейской науке.

По определению митрополита Филарета, закрытие Российского Библейского Общества знаменовало «обратный ход к временам схоластическим». Тем не менее развитие русской библеистики продолжалось и в Николаевский период. Большой вклад в дело изучения Библии внес знаменитый патролог, историк Церкви и богослов, архиепископ Филарет (Гумилевский; 1805—1866). Им написаны «Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа» (М., 1857, 3-е изд. 1884), «Учение апостола Павла об антихристе» (1862), «Опыт объяснения послания апостола Павла к Галатам» (1862), «Учение евангелиста Иоанна о Слове» (1865), «Евангелие святого Иоанна» (1865—1866) и другие работы³³. В русской литературе по Священному Писанию возник в это время новый историко-синтетический жанр. Зачинателями его в России стали архиепископ Иннокентий (Борисов; 1800—1857) и протоиерей Александр Горский (1812—1875). Архиепископ Иннокентий, стяжавший славу «русского Златоуста», написал в 1828 году книгу «Последние дни земной жизни Иисуса Христа», неоднократно переиздававшуюся вплоть до первой мировой войны. Это был опыт исторического повествования, основанного на первоисточниках и построенного по законам художественной прозы³⁴. В том же ключе написана протоиереем А. Горским «История Евангельская и Церкви Апостольской» (вышла посмертно в 1888 году). Горский, кроме того, был выдающимся текстологом и историком³⁵. Оба — и Иннокентий, и Горский испытали на себе гнет цензурных условий, которые не позволили полностью раскрыться их шедрым талантам.

5. Поворотный пункт

20 марта 1858 года было знаменательным днем в истории русской Библии. В этот день Святейший Синод подписал определение, в котором говорилось, что «перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священного Писания необходим и полезен... К переводу сему должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Святейшего Синода»³⁶. Четырем Духовным Академиям (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской) было предложено готовить проекты и варианты переводов и материалы к ним. Работа проходила под контролем Петербургского митрополита Исидора (Никольского; 1799—1892). В ней участвовали академические профессора Евграф Ловягин (1822—1909), Павел Саввантов (1815—1895), Моисей Гуляев (1866), Даниил Хвольсон (1819—1911) и другие православные библеисты. Именно тогда были опубликованы запрещенные ранее переводы протоиерея Г. Павского и архимандрита Макария (Глухарева). Синодальный перевод Ветхого Завета делался с еврейского языка, но с учетом Септуагинты. Одновременно русские библеисты приняли участие в переводе Ветхого Завета только с масоретского текста (для Лондонского издания). Были и противники русского перевода [в частности, епископ Феофан (Говоров)], но большинство иерархов и богословов приветствовало начинание. В 1862 году вышел полный «синадальный» Новый Завет, в 1868 году — Пятикнижие, а в 1876 году — вся Библия. С тех пор перевод, осуществленный по благословению Святейшего Синода, стал общепринятым в Русской Православной Церкви. В течение ряда десятилетий он перепечатывался без изменений. В 1956 году Московским Патриархатом был опубликован его отредактированный вариант, с текстом, приведенным в соответствие с новой орфографией и с некоторыми дополнениями (в частности, включено предисловие Иисуса, сына Сирахова к его Книге Премудрости, имеющееся в греческом и славянском переводах). За этим последовало улучшенное в типографском отношении издание (1968), которое воспроизводилось еще два раза. Кроме того, дважды отдельно выходил Новый Завет³⁷.

Синадальный перевод сделал Священное Писание доступным для широких кругов русских верующих, а это в свою очередь потребовало незамедлительного составления библейских комментариев. Эту задачу взял на себя Михаил Лузин (1830—1887), профессор, затем ректор Московской Духовной Академии, а с 1878 года — епископ³⁸. В своих лекциях и трудах он преследовал две цели: экзегетическую и апологетическую. Первая имела в виду рядовых читателей, которые с нетерпением ждали изъяснения слова Божия. Для них Михаил Лузин написал «Толковое Евангелие» (М., 1870—1874, т. 1—3) и «Толковый Апостол» (Киев, 1890—1897, т. 1—2), обширную компи-

лянию, преимущественно из отцов Церкви и протестантских авторов ортодоксального направления. Гебраист Московской Духовной Академии Павел Горский-Платонов (1835—1904) подверг эту работу резкой критике за ее несамостоятельный характер. Но Михаил Лузин считал, что упущено слишком много времени, а насущная потребность не терпит промедления.

Второй его задачей был ответ на вызов европейской отрицательной критики. До тех пор православные библеисты чаще всего обходили ее молчанием, поскольку духовная цензура запрещала излагать идеи рационалистов на страницах церковных журналов и книг. Реформа 60-х годов и некоторые цензурные послабления способствовали проникновению в Россию радикальных западных веяний. Между тем, этот период был на Западе периодом бурного развития историко-литературной критики Библии (Г. Эвальд, Г. Гольцман, Э. Ренан, К. Граф и другие). Поэтому Михаил Лузин считал, что русская библеистика должна высказать компетентное суждение о критических гипотезах. «На мою долю,—говорил он,—выпал жребий сделать в доступной мне области первый у нас опыт открытого состязания с современными отрицательными учениями»³⁹. Его полемический труд о Ренане, написанный сразу же после выхода наумевшей «Жизни Иисуса», был представлен им как докторская диссертация. Публичная ее защита стала важным церковным событием. На ней присутствовали многие представители образованных московских кругов. Впервые деструктивные идеи в области библеистики тщательно излагались и подвергались научно-богословскому анализу. Эту критическую работу Михаил Лузин продолжил в цикле своих лекций, изданных посмертно под заглавием «Библейская наука» (Тула, 1898—1906). Он положил начало новому направлению в русской библеистике, которое учитывало достижения и ошибки библеистики западной. У Михаила Лузина было немало талантливых учеников, которые трудились впоследствии уже вполне самостоятельно, обогатив православную науку о Священном Писании ценными комментариями и монографиями по священной истории, библейскому богословию, археологии, исагогике и текстологии.

6. Библейско-апологетические проблемы

В России и среди западных ортодоксальных кругов XIX века историко-литературная критика воспринималась как атрибут антихристианского или нехристианского мировоззрения. Действительно, Д. Штраус, Тюбингенская школа и школа Ю. Вельгаузена руководствовались философскими предпосылками, отвергавшими церковное учение. Спинозизм и гегельянство, рационализм и исторический эволюционизм были исходными пунктами для многих библеистов, особенно в протестантской Германии. Поэтому неудивительно, что попытки перестройки всей концепции библейской истории, новые датировки священных книг, отрицание их традиционной атрибуции воспринимались как покушения на самые основы христианской веры. В первой половине XIX века те западные исследователи, которые пытались сочетать веру и историческую критику (например, М. Л. Де Ветте), были не в состоянии прийти к синтезу и переживали тяжелые внутренние конфликты. Попытка А. Ричля и всей либеральной школы, вплоть до А. Гарнака, найти этот синтез не могла удовлетворить ортодоксальную мысль, так как вела к распылчатому адогматизму. На фоне этих трудностей и развивалась русская апологетическая библеистика прошлого века.

Из представителей ее на первом месте стоит ученик Михаила Лузина, протонерей Николай Елеонский (1843—1910), преподававший в Московской Духовной Академии, а затем в Московском университете⁴⁰. Он писал исследования о теориях Ф. Х. Баура, Вельгаузена, Фридриха Делича. Отстаивая древность Пятикнижия, он справедливо указывал на его архаический язык, отражающий более ранний этап, нежели писания классического протезизма. Он не только полемизировал с западными авторами; многие из них получили в трудах Елеонского высокую оценку (в частности, Франц Делич и К. Ф. Кейль, исагогический курс которого он частично перевел). Библейской апологетике была посвящена большая работа профессора Харьковского университета, протонерей Тимофея Буткевича (1854—1925) «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа» (2-е издание — СПб., 1887). В ней содержится обзор рационалистического толкования Евангелий, начиная от Гердера и Шлейермахера, и собраны возражения на критику по всем частным вопросам евангельской истории⁴¹. Против решения синоптической проблемы, предложенного Г. Эвальдом и Г. Ю. Гольцманом, была написана книга известного русского историка, археолога и библеиста Николая Ивановича Троицкого (1851—1920) «О происхождении первых трех канонических Евангелий» (Кострома, 1878), в которой прослежена история вопроса с XVIII до середины XIX века⁴². Круп-

ным библистом был профессор Московской Духовной Академии Митрофан Дмитриевич Муретов (1850—1917). Он задумал цикл работ под общим заглавием «Главные типы новейшего отрицания Евангелия»⁴³. Однако цензура приостановила их печатание. Вышли лишь отдельные части книги (о предшественниках Штрауса, об Эйхгорне и Ренане), но и то, как отмечал протоирей Г. Флоровский, с опозданием на пятнадцать лет. Необыкновенной продуктивностью отличался русский экзегет-новозаветник, архиепископ Василий (Богдашевский; 1861—1933), выпускник и преподаватель Киевской Духовной Академии⁴⁴. Он не только критически разобрал отрицательные гипотезы, но и создал серию глубоких комментариев, в которых соединял верность православной традиции с серьезным знанием западной литературы. По его собственным словам, он «везде старался держаться строго научной положительной точки зрения, оправдываемой историческим церковным преданием». Полемику с концепциями религиозно-исторической школы, панвавилонизмом и мифологической теорией вели ректор Киевской Духовной Академии протоирей Александр Глаголев (1872—1929), профессор той же Академии Владимир Петрович Рыбинский (1857—1920), автор монументальной монографии о самарянах (1913) и профессор Петербургской Духовной Академии Сергей Михайлович Зарин (1875—1941), писавший против А. Дрекса⁴⁵. Итогом русской ветхозаветной апологетической исагогики был курс профессора Казанской Духовной Академии Павла Александровича Юнгера (1856—1921) «Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги» (1910). Он явился последней суммарной попыткой утвердить позиции старой исагогики с привлечением солидного научного аппарата⁴⁶. В дальнейшем русская библейско-историческая школа отказалась от этих позиций и от смешения исагогических проблем со сферой догматической.

7. Текстология, компаративная библистика, археология

Текстуальные исследования русских библистов были в основном сосредоточены на проблемах славянской Библии. На этом поприще много потрудились протоирей А. Горский, И. Е. Евсеев, Григорий Александрович Воскресенский (1849—1918) и другие исследователи⁴⁷. Но были и видные специалисты, занимавшиеся греческим и еврейским текстами Библии. Пионерами в этой области были епископы Симон (Тодорский, † 1754) и Порфирий (Успенский; 1804—1885). Оба являлись крупными ориенталистами и филологами. Епископ Порфирий много странствовал по Востоку; ему принадлежит приоритет открытия Синайского кодекса, который был впоследствии привезен в Россию и издан К. Тишендорфом⁴⁸. Он сделал ряд переводов ветхозаветных книг с греческого языка (опубликованы в ТКДА). Еврейской текстологии посвятил свои труды профессор Д. А. Хвольсон, участник синодального перевода, а греческой — выпускник Московской Духовной Академии, член-корреспондент Академии Наук, епископ Амфилохий (Сергиевский; 1818—1893), изучавший также и славянский текст⁴⁹. В 1902 году архимандрит Антонин (Грановский, 1885—1927), впоследствии епископ (отпавший в 20-х годах в обновленческий раскол), предпринял уникальную попытку реконструкции гипотетического еврейского оригинала Книги пророка Варуха. Он исследовал сотни рукописей и множество древних переводов и на их основе воссоздал «репродукцию» текста, который считал первоначальным (2-е издание книги вышло в 1920 году). В настоящее время гипотеза Антонина (Грановского) признается рядом исследователей. Огромной эрудицией и знанием источников отмечена монография профессора Московской Духовной Академии протоиерея Евгения Воронцова (1867—1925) «Домасоретская и масоретская Библия» (Сергиев Посад, 1909, ч. 1). Вторую часть исследования, посвященную масоретам, автор намеревался издать за рубежом, но во время первой мировой войны рукопись была утрачена⁵⁰. В 1907 году в Казани вышел труд Ивана Васильевича Баженова (1855—1920) «Характеристика четвертого Евангелия», предвосхитивший современные теории о семитическом прототипе Евангелия от Иоанна. Текстологические проблемы Нового Завета изучал в середине нашего столетия известный византолог и историк культуры профессор Ленинградской Духовной Академии Алексей Иванович Иванов (1890—1976). В своих работах он защищал «текстус рецентус» и указывал на значение лекционариев для новозаветной текстологической критики⁵¹.

Русская православная библистика энергично откликнулась на споры о Библии и Вавилоне, поднятые в связи с сенсационными лекциями Фридриха Делича (В. П. Рыбинский, А. П. Лопухин и др.). Сопоставлению библейской религии с верованиями древнего мира был посвящен блестящий по форме и содержанию трехтомник епископа Хрисанфа (Ретивцева, 1832—1883), профессора Казанской Духовной Академии⁵².

Вопрос о связи Библии с древневосточной исторнографией был рассмотрен в диссертации архиепископа Платона (Рождественского; 1866—1919) «Древний Восток при свете Божественного откровения» (Киев, 1899). Выпускник Московской Духовной Академии Михаил Никольский (1848—1917) кроме собственного перевода псалмов издал корпус клинописных текстов Урарту и Месопотамии и был признан «отцом русской ассириологии». Он не рассматривал свои библейские штудии как дело, служащее только науке. «Священное Писание,— говорил он,— есть главный источник церковного учения, и живое основательное понимание догматов невозможно без основательного его знания»⁵³. Данные для реконструкции ветхозаветной истории были широко привлечены профессором Московской Духовной Академии Дмитрием Ивановичем Введенским (1873—1954) в его книге «Патриарх Иосиф и Египет» (Сергиев Посад, 1914).

Русское Палестинское Общество, основанное в 1882 году и существующее поныне, было инициатором первых библейских раскопок, проводимых русскими археологами. Ряд археологических поездок по Палестине совершил профессор Киевской Духовной Академии Аким Алексеевич Олесницкий (1842—1907), автор работ о древних памятниках Святой Земли⁵⁴. Академический курс библейской археологии был опубликован петербургским гебраистом профессором Иваном Гавриловичем Троицким (1858—1920) в 1913 году. О значении для библейской науки православного ориенталиста академика Б. А. Тураева будет сказано ниже.

8. Герменевтика и исагогика

Термин «герменевтика» в русской и западной библейской науке нередко употребляется расширительно, как синоним толкования Библии. Но в более строгом смысле слова это понятие относится не столько к самому процессу изъяснения текста (экзегезы), сколько к определению фундаментальных принципов толкования. О православном понимании этих принципов было уже сказано в начале статьи. Следует признать, что специальными герменевтическими трудами русская библеистика сравнительно небогата. К ним относятся упомянутая выше книга архиепископа Феофиста (Мочульского; 1808) и очерки П. И. Саввантова, участника синодального перевода⁵⁵. Значительно больше сделано в области изучения герменевтики патристического периода⁵⁶. Укажем, в частности, на работу профессора Московской Духовной Академии Ивана Николаевича Корсунского (1849—1899) «Новозаветное толкование Ветхого Завета» (М., 1885), в которой охарактеризованы методы толкования у святых отцов и комментаторов начала XIX века. Материал расположен не хронологически, а в соответствии с периодами ветхозаветной истории. Своего рода прологом к этой книге была монография Корсунского «Иудейское толкование Ветхого Завета» (М., 1882), содержащая анализ палестинской и александрийской герменевтики междузаветной эпохи⁵⁷. Соотношению современной и патристической герменевтики много внимания уделено в книге архиепископа (впоследствии митрополита Харьковского) Антония (1864—1936) «О правилах Тихония Африканского и их значении для современной экзегетики» (М., 1891). С общегословских и философских позиций проблема была изучена протоиереем С. Булгаковым и русским религиозным мыслителем Николаем Александровичем Бердяевым (1874—1948). Первый указал на особенности библейского символизма, а второй — на характерные черты человеческого аспекта Священного Писания. По словам Бердяева, Библия есть «преломление откровения Бога в ограниченной человеческой среде и ограниченном человеческом языке. Обогащение буквы Писания есть форма идолопоклонства. Поэтому научная библейская критика имеет освобождающее и очищающее значение»⁵⁸. В книге «Истина и откровение», вышедшей посмертно на французском языке (1954), Бердяев сформулировал свои важнейшие герменевтические идеи. Сущность их сводится к следующему: богооткровенная истина апофатична по природе; в записанном же слове она неизбежно приобретает антропоморфные, социоморфные и натуроморфные черты, что следует учитывать при истолковании Библии. Фактически Бердяев предложил русский вариант демифологизации, близкий к взглядам Р. Бульмана, но отнюдь им не тождественный. Если для Р. Бульмана библейские символы в первую очередь говорят о внутреннем экзистенциальном бытии человека, то Бердяев утверждал онтологический характер истин Откровения.

В 1927 году на Англо-русской богословской конференции Сергей Сергеевич Безобразов, впоследствии епископ Кассиан (1892—1965), подчеркнул, что православная герменевтика в отличие от католической не располагает авторитарными указаниями церковного магистериума для интерпретации всех текстов Священного Писания, что потенциально дает большую свободу исследования. Толкователь, отметил он, не найдет и в самом Священном Писании «готовой формулы по каждому интересующему

нас вопросу». Основой православной герменевтики, по его словам, является вера в «двуединую богочеловеческую сущность Библии». Предвосхищая «канонический критицизм» конца XX века (Б. Чайлдз и другие), Безобразов указывал, что «единство канона распространяет понятие контекста для каждого данного места слова Божия до пределов всего Священного Писания»⁵⁹. Другой русский богослов архимандрит Киприан (Керн; 1899—1960), откликаясь на эту проблему, писал: «Не возбраняется, разумеется, филологам заниматься с точки зрения языкознания и священным текстом Библии, равно как и тому же методу можно отдавать предпочтение и при изучении текстуальной ткани «Илиады» или «Божественной комедии». Но при ограничении одним этим методом ученый рискует в изучении поэзии Гомера и Данте не понять ее как памятник высшей красоты; а применяя этот же метод к тексту Библии, оставить без внимания религиозную, духовную, божественную сторону ее»⁶⁰.

Исагогика, или как чаще ее называют, «Введение в книги Священного Писания», является суммой библейских дисциплин, включающей вопросы боговдохновенности, канона, герменевтики, перевода, атрибуции, датировки и всех видов критики. Русские православные авторы XIX века в этой области сделали немало, создав ряд обобщающих курсов и монографий по всем исагогическим разделам. Среди них архиепископ Иннокентий (Борисов), профессор Стефан Михайлович Сольский (1835—1900), епископ Михаил Лузин, профессора Д. А. Хвольсон и Николай Михайлович Дроздов (1849—1920), авторы академических и семинарских руководств; А. Н. Хергозерский (1812—1891); епископ Ириней Орда (1837—1904), А. А. Жданов (1866—1909), Д. Нарциссов (1860—1920); составители библейских словарей: П. Ф. Солярский (1803—1890), архимандрит Никифор (Баженов; † 1895), А. Т. Верховский (1827—1882), протоиерей Василий Михайловский (1834—1910) и другие⁶¹.

9. Экзегетические труды

Уже самые первые русские работы по библеистике в XVIII веке представляли собой толкования на отдельные книги Священного Писания. Как было сказано, расцвет экзегетических исследований в России начался главным образом после выхода синодального перевода. Однако полный комментарий ко всему Ветхому и Новому Заветам был осуществлен лишь единственный раз. Речь идет о двенадцатитомной «Толковой Библии» (СПб., 1904—1913), труде, начатом по инициативе и под редакцией профессора Петербургской Духовной Академии Александра Павловича Лопухина (1852—1904), плодотворного писателя, переводчика и издателя⁶². После смерти Лопухина «Толковая Библия» была продолжена его преемниками, видными богословами всех ведущих Духовных школ России, в том числе протоиереем А. Глаголевым, профессором М. Н. Скабаллановичем (1872—1927), Н. П. Розановым (1856—1941), А. И. Покровским (1873—1940), В. П. Рыбинским и другими⁶³. Труд был рассчитан на широкие круги образованных читателей, но общедоступность несколько не снижала его высокого научно-богословского уровня. Аналогичное общеправославное толкование было предпринято в XIX веке русским ученым и общественным деятелем Георгием Константиновичем Властовым (1827—1899), но закончить его автору не удалось⁶⁴. Зато не было недостатка в толкованиях на отдельные части и книги Библии, на каждую из которых написано по одному или несколько комментариев. Они разделялись на общедоступные и специальные. Среди популярных укажем на евангельские толкования епископа Виталия (Гречулевича; 1822—1885), епископа Михаила (Лузина), цикл экзегетических трудов по посланиям епископа Феофана (Горова; 1815—1894), толкование на «Апостол» епископа Никанора (Каменского; 1847—1910), толкования на новозаветные книги протоиерея Андрея Полотебнова (1843—1905) и другие⁶⁵. Ветхому Завету были посвящены толкования епископов Палладия (Пьянкова; 1816—1882), Петра (Екатериновского; † 1899), Виссариона (Нечаева; 1822—1905), Иоанна (Смирнова; 1845—1919), Дмитрия (Вознесенского, 1871—1947), носившие общедоступный характер⁶⁶. Особым успехом пользовалось «Толкование Евангелия» Бориса Ильича Гладкова (1847—1921), основанное на святоотеческих комментариях и трудах ученых XIX века⁶⁷. Более специальные труды принадлежали П. Юнгерову, митрополиту Харьковскому Антонию, архиепископу Василию (Богдашевскому), протоиерею Александру Рождественскому (1864—1930), архиепископу Варфоломею (Ремову; 1880—1936), епископу Феофану (Быстрову; 1872—1943), протоиереям Вениамину Платонову (1883—1948), Василию Четыркину († 1948) и другим⁶⁸.

В рамках краткой статьи невозможно перечислить все работы, посвященные частным вопросам экзегетики, и комментарий на отдельные книги Библии. Поэтому мы отсылаем читателей к существующим на эту тему обзорам⁶⁹.

10. Библийская история

Библийской историей принято называть реконструкцию событий, описанные в Ветхом и Новом Заветах, реконструкцию, которая основана на данных священных книг и древних памятников письменности и материальной культуры. Первым русским опытом в этом направлении было «Начертание библийской истории» (1816) митрополита Филарета (Дроздова). Ценная для своего времени, книга смогла лишь наметить общие контуры темы, поскольку наука о Древнем Востоке, столь важная для библийской историографии, тогда еще только зарождалась. Открытия и расшифровка памятников Египта, Месопотамии, Ханаана и других стран Востока пролили новый свет на священную историю. С учетом этих открытий был написан трехтомный труд А. П. Лопухина, в котором автор дал целостную панораму священных событий, начиная с первобытных времен и кончая завершением апостольского века⁷⁰. Сразу после выхода первого издания книга подверглась критике со стороны некоторых русских богословов, однако она сыграла немаловажную роль в истории отечественной библиистики. Отдельные периоды ветхозаветной истории были описаны в трудах Ф. Г. Елеонского, Я. А. Богородского (1841—1919) и знатока междузаветного времени М. Э. Поснова (1873—1931). Митрополит Иосиф (Петровых; 1872—1938) исследовал период Второго Храма и написал работу о соотношении Библии и Флавия⁷¹. Междузаветному периоду были посвящены работы казанского богослова протоиерея Александра Смирнова, переводчика апокрифов⁷². Из библийских трудов по новозаветной истории следует указать оригинальное и насыщенное богословскими идеями сочинение протоиерея Павла Матвеевского (1828—1900) «Евангельская история» (М., 1899), книгу профессора Казанской Духовной Академии Михаила Богословского (1844—1916) «Детство Господа нашего Иисуса Христа» (Казань, 1893), курс, написанный профессором Православного богословского института Преподобного Сергия в Париже епископом Кассианом (Безобразовым) «Христос и первое христианское поколение» (Париж, 1950). Кроме того, вышло большое число монографий по отдельным вопросам, например, труд архимандрита Григория (Борисоглебского; 1867—1893) «Третье путешествие апостола Павла» (Сергиев Посад, 1892), протоиерея Иоанна Артоболевского (1872—1942) «Первое путешествие апостола Павла» (Сергиев Посад, 1900), «Святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов» (Сергиев Посад, 1911) архиепископа Евдокима (Мещерского; 1869—1935) и серия очерков М. Д. Муретова по евангельской истории. Вопросам библийской поэтики и символики были посвящены новейшие работы профессора М. С. Иванова⁷³.

11. Библийское богословие

Библийское богословие как особая дисциплина зародилось в XVIII веке. Основателями его были протестантские экзегеты, в силу чего отношение к нему со стороны православных ученых долгое время оставалось настороженным. Однако со второй половины XIX века библийское богословие начало развиваться и в контексте русской религиозной мысли. Одним из первых, кто предпринял работу по созданию системы библийского вероучения, был протоиерей Алексей Лебедев (1852—1912), преподаватель богословия в Военно-Морской Академии⁷⁴. Вышла только первая часть задуманной им работы: «Ветхозаветное учение во времена патриархов» (СПб., 1886), которая включала и обзор истории библийского богословия. В те же годы в «Православном обозрении» начал печататься труд крупнейшего русского философа Владимира Соловьева (1853—1900) «История и будущность теократии»⁷⁵. Под «теократией» Соловьев понимал реализацию божественного идеала в земной жизни человечества. Основу его книги составляют своего рода философия библийской истории и синтез библийского богословия в свете «теократической идеи». Своё толкование Библии Соловьев строил обходя исagogические проблемы, хотя и признавал ценность и необходимость библийской критики. Он первым связал концепцию боговдохновенности с Халкидонским догматом Богочеловечества. Друг и единомышленник Владимира Соловьева русский философ Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905), профессор, а затем ректор Московского университета, в своих библийско-богословских исследованиях сосредоточился на периоде Второго Храма и Евангелии. Созданный им синтез библийского богословия стоял на уровне мировой библиистики и предвосхитил многие идеи современных западных экзегетов⁷⁶. Крупным вкладом в библийскую науку явились труды М. Э. Поснова и протоиерея А. Глаголева по частным вопросам ветхозаветного вероучения, а также богословская интерпретация Евангелий в работах М. Муретова⁷⁷. Одним из выдающихся представителей православного богословия был Николай Николаевич Глубоковский (1863—1937), профессор Петербургской, а затем Софийской

Духовных Академий⁷⁷. Его перу принадлежит монументальное (более 2000 страниц) исследование «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу» (СПб., 1905, 1910—1912, т. 1—3). Глубоковский поставил перед собой задачу уяснить источники учения апостола Павла, сопоставляя его с александрийской философией, раввинистическим иудейством и античными доктринами. В результате он пришел к выводу, что «Евангелие Павла» было вполне оригинальным и коренилось в том Откровении, которое сделало Тарсянина апостолом язычников. Кроме того, Глубоковский изучал богословие Посланий к Галатам и к Евреям, а также Апокалипсиса. Православный взгляд на библейское богословие изложен в специальной статье профессора Московской Духовной Академии Василия Никаноровича Мышцина (1866—1936) и в других его работах на эту тему⁷⁸. Апостольское учение было рассмотрено в работах современных русских православных авторов: митрополита Макария (Оксиюка), архиепископа Волоколамского Питирима* (Нечаева), архиепископа Вологодского и Великоустюжского Михаила (Мудьюгина) и других⁷⁹.

12. Русская библейско-историческая школа

Поскольку рационалистическая экзегеза XVI—XIX веков сделала из библейской критики инструмент для разрушения фундаментальных догматов Церкви, ортодоксальные богословы всех конфессий долгое время считали, что апология Библии заключается в борьбе против историко-литературной критики как таковой. Как было уже указано, синтез веры и научно-исторического метода решался первоначально лишь путем неоправданных компромиссов, ведущих к отрицанию боговдохновенности. Поворот в сторону позитивного синтеза, сохранившего догмат об инспирации, на Западе связан с именами Франца Делича у протестантов и о. М. Ж. Лагранжа у католиков. Русские православные толкователи сначала придерживались принципов доктринской исагогики, однако уже в прошлом веке появились и такие экзегеты, которые раньше инославных вышли на путь здоровой и осторожной рецепции методов «высшей критики». Эти экзегеты и составили русскую библейско-историческую школу. Их подход к Писанию не был отступлением от церковной, патристической традиции, ибо, как отмечал протоиерей С. Булгаков, «Церковь не только не преграждает пути изучения слова Божия всеми доступными способами, в частности, современными средствами научной критики, но и не предостерегает (разрядка наша.— А. М.) наперед выводов этой критики. Православному сознанию нет оснований бояться библейской критики или смущаться перед ней, потому что через нее лишь конкретнее становятся постижимыми пути Божии и действия Духа Божия»⁸⁰. Исторический анализ, пересмотр привычных датировок и сравнительно-религиозное исследование помогли устранить многие неясности в Священном Писании и уточнить его прямой смысл.

Родоначальниками русской библейско-исторической школы были митрополит Филарет (Дроздов) и протоиерей Г. Павский. Последний сделал особенно много в сфере грамматическо-исторической. По их стопам, соблюдая должную научную и богословскую осмотрительность, последовали и другие толкователи. Так, епископ Филарет (Филаретов; 1824—1882) и профессор В. Н. Мышцин отнесли Книгу Екклесиаста к последнему времени, профессор Петербургской Духовной Семинарии П. С. Тычинин обосновал датировку Книги Премудрости последними веками перед Рождеством Христовым, протоиерей Александр Петровский подтвердил справедливость выводов критики о более позднем происхождении речей Елиуя в Книге Иова⁸¹. А. А. Жданов предпринял историческое толкование первых глав Апокалипсиса, направленное против, как он выражался, «экзегетических плевел и терний». Он настаивал на том, что исторический подход не препятствует подходу религиозно-богословскому, а, напротив, ему помогает. Однако по цензурным условиям труд Жданова вышел в урезанном виде⁸². Цикл статей профессора С. Н. Трубецкого, частично вошедших в его книгу «Учение о Логосе» (М., 1906), явился эталонным образцом единства научно-критического и верующего, благоговейного подхода к Библии. Ученик А. Гарнака, он многим был обязан немецкой библеистике, но в то же время подверг основательной критике принципы либеральной теологии. Проследившая развитие библейского учения в контексте восточной и античной культур, Трубецкий дал глубокое богословское осмысление этого развития, чего так часто недоставало инославной экзегетике. Его анализ евангельской христологии подкупает верностью православным основам и широким привлечением историко-критических данных. В начале XX века выводы новой исагогики были подытожены Александром Ельчаниновым (1881—1934) и Иваном Дмитрие-

* Нынче митрополит Волоколамский и Юрьевский (Ред.).

вичем Андреевым (1867—1927), профессором Московской Духовной Академии и Московского университета, редактором «Богословского вестника»⁸³.

Исключительную роль в формировании русской библейско-исторической школы сыграл академик Борис Александрович Тураев (1868—1920), ученый с мировым именем, знаток иероглифов и клинописи, исследователь коптского и египетского христианства, специалист по литургике. По словам его ученика, советского академика В. В. Струве, «Б. А. Тураев был горячим и искренним патриотом, и поэтому он прилагал всемерные усилия, чтобы поднять уровень и престиж русской науки о древнем Востоке»⁸⁴. Он преподавал в Петроградском богословском институте, сотрудничал в «Православной богословской энциклопедии», участвовал в богослужебной комиссии Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 годов. Митрополит Евлогий говорит о нем как о «святом человеке, знавшем богослужение лучше духовенства». Тураев полностью принимал концепции новой исагогики (постепенное формирование Пятикнижия вокруг Моисеева ядра, теорию Второисайи, датировку Книги пророка Даниила II веком до Рождества Христова), не считая, что они могут затрагивать догмат о боговдохновенности. Эту точку зрения он последовательно провел в ветхозаветных разделах своей «Истории древнего Востока» (3-е издание. Л., 1936), этом «единственном в мировой историографии труде, который довел историю Вавилонии, Ассирии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма» (В. Струве). Установки, выработанные С. Трубецким, Б. Тураевым и их предшественниками, были усвоены почти всеми русскими православными библеистами, работавшими после первой мировой войны. Среди них укажем на Б. И. Сове и А. В. Карташева⁸⁵. В программной речи на академическом акте 1944 года в Православном богословском институте Преп. Сергия в Париже Карташев предложил православное обоснование для рецепции новой исагогики. В сфере новозаветной традиции этой школы продолжил епископ Кассиан (Безобразов), профессор этого же института, редактор перевода Нового Завета, изданного в Лондоне в 1970 году. Епископ Кассиан осуществил православную реинтерпретацию популярной в послевоенные годы методики «формгешихте», хотя отверг исторический скептицизм Р. Бульмана⁸⁶. В настоящее время ведущим последователем школы является ректор Православного богословского института в Париже протопресвитер Алексей Князев (р. 1913), автор ряда работ по православному осмыслению данных новой исагогики⁸⁷. Он подчеркивает, что православные библеисты стоят перед задачей обогатить историко-литературную и компаративную критику богословской интерпретацией в духе истонных церковных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения: БВ — Богословский Вестник; ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения; ЖМП — Журнал Московской Патриархии; МДА — Московская Духовная Академия; НЭС — Новый энциклопедический словарь изд. Брокгауза и Ефрона; ПБЭ — Православная богословская энциклопедия; ПО — Православное обозрение; ПС — Православный собеседник; ТКДА — Труды Киевской Духовной Академии; ХЧ — Христианское чтение; ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.

¹ Цит. по сборнику Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975, с. 78.

² Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. М., 1977, с. 359.

³ Прот. С. Булгаков. Православие. Париж, 1964, с. 51.

⁴ С. С. Глаголев. Задачи русской богословской школы. Сергиев Посад, 1905.

⁵ Б. И. Сове. Тезисы по Священному Писанию Ветхого Завета.— Путь, 1936 — 1937, № 52.

⁶ А. В. Карташев. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947, с. 72.

⁷ Архиепископ Иларион (Троицкий). Священное Писание и Церковь. М., 1914, с. 17.

⁸ С. Булгаков. Указ. соч., с. 58.

⁹ А. С. Хомяков. Сочинения. СПб., 1909, с. 135.

¹⁰ См. обзорные работы: И. С. Сольский. Употребление и изучение Библии в России.— ПО, 1868, № 10—11; его же. Обзорение трудов по изучению Библии с XV в. до настоящего времени.— ПО, 1869, № 4—5; М. В. Никольский. Наша библейская наука.— ПО, 1875, № 2; его же. Успехи библейской науки в России.— ПО,

1877, № 3; *Н. И. Троицкий*. Русская библейская наука и ее современные задачи.— ЧОЛДП, 1877, № 10; архиепископ *Михаил* (Лузин). Столетие из истории толкования Библии у нас в России.— В кн.: Годичный акт в МДА 1 сентября 1877 г. М., 1877; *его же*. Библейская наука. Кн. 1. Очерк истории толкования Библии. Тула, 1898; *В. Н. Мишцин*. Обзор русской духовной журналистики. Статьи по Священному Писанию Ветхого Завета.— БВ, 1906, № 10, 12; *Ф. Г. Елеонский*. Отечественные труды по изучению Библии в XIX в.— ХЧ, 1901, № 5; 1902, № 1, 4; *Н. Н. Глубоковский*. Русская богословская наука в ее историческом развитии. Варшава, 1928; прот. *А. Шмеман*. Русское богословие за рубежом.— В кн.: Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975; История русской литературы X—XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980; прот. *Г. П. Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1980; свящ. *В. Строганов*. Вклад Московской Духовной Академии в герменевтику Нового Завета.— ЖМП, 1985, № 8; *М. С. Иванов*. Академическое богословие.— ЖМП, 1986, № 1; *Kyrrill (Gundiaev) Erzb. Eingebunden in die Tradition und offen neu Wege*.— Stimme der Orthodoxie, 1985, № 8—9.

¹¹ См. Труды отдела древнерусской литературы АН СССР. М.-Л., 1955, т. II. с. 323.

¹² *М. И. Рижский*. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978, с. 31.

¹³ См. *Н. А. Казакова*, *Я. С. Лурье*. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955; *А. И. Клибанов*. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

¹⁴ См. *М. Н. Громов*. Максим Грек. М., 1983 (там же указана библиография).

¹⁵ См. *И. Экономцев*. Основание Славяно-греко-латинской Академии. — ЖМП, 1985, № 2, с. 67—78. Духовные школы были главными центрами библейской науки в России. См. *С. Смирнов*. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855; *его же*. История Московской Духовной Академии. М., 1879; *И. А. Чистович*. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857; *его же*. Санкт-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет. СПб., 1889; *П. В. Знаменский*. История Казанской Духовной Академии. Казань, 1891—1892, т. 1—3; *Б. В. Титлинов*. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908—1909.

¹⁶ *Михаил* (Лузин), архиеп. Библейская наука. Т. 1, с. 117.

¹⁷ *Платон* (Левшин), митр. Творения. СПб., 1913, т. 2, с. 691.

¹⁸ Ему принадлежит один из первых в России исагогических курсов («Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета». СПб., 1799). О нем: «Странник», 1860, № 5—6.

¹⁹ Толкование Иринея переиздавалось вплоть до XX в. О нем см.: *В. А. Андреев*. О толковании на Псалтирь Иринея, архиепископа Псковского. М., 1910; Русский архив, 1869; ПБЭ, т. 5.

²⁰ См. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 77. По истории переводов см. следующие обзорные работы: *И. А. Чистович*. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873; *Н. Астафьев*. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889; *И. Е. Евсеев*. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916; *его же*. Столетня годовщина русского перевода Библии. Пг., 1916; *К. И. Логачев*. Русский перевод Нового Завета.— ЖМП, 1969, № 11; *его же*. Издания русских переводов Библии.— ЖМП, 1975, № 7, 11; *Рижский*. Указ. соч.; *Bryner E. Bible translation in Russia*.— The Bible translator, 1974, № 3.

²¹ См. *К. И. Логачев*. Профессор И. Е. Евсеев.— ЖМП, 1971, № 12; *его же*. Труды профессора И. Е. Евсеева по истории славянской Библии.— ЖМП, 1972, № 8; *его же*. Работы профессора И. Е. Евсеева по русскому переводу Священного Писания.— ЖМП, № 2.

²² См. *Н. Веретенников*. Святитель Геннадий Новгородский.— ЖМП, 1981, № 1, 6.

²³ См. *С. А. Подокиин*. Франциск Скорина. М., 1981 (там же указана библиография).

²⁴ См. *Е. Л. Немировский*. Федоров.— В кн.: Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982 (там же указана библиография); *Н. Владимиров*. Первопечатник диакон Иван Федоров.— ЖМП, 1984, № 6.

²⁵ См. *А. Н. Пытин*. Российское библейское общество.— Вестник Европы, 1868, № 8, 9, 11, 12; прот. *К. Добронравин*. Российское библейское общество.— «Странник», 1869, № 8, а также указ. соч. Чистовича и Астафьева.

²⁶ Источники по биографии и трудам прот. Г. Павского указаны в кн.: *А. С. Родосский*. Биографический словарь студентов первых 28 курсов СПб Духовной Академии. СПб., 1907, с. 343 сл.

²⁷ См. *А. С. Родосский*. Указ. соч., с. 255.

²⁸ Д. И. Введенский. Митрополит Филарет как библеист.— Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения. М., 1883, т. 2; Н. И. Троицкий. Митрополит Филарет как истолкователь Священного Писания.— Там же; Симон Новиков (архим., ныне архиепископ). Основоложник русской экзегетической школы.— ЖМП, 1968, № 2 (там же указаны библейские труды митр. Филарета).

²⁹ Ф. Г. Елеонский. Отечественные труды по изучению Библии в XIX веке.— ХЧ, 1901, № 5, с. 635.

³⁰ Симон (Новиков), архим. Указ. соч., с. 61.

³¹ См. Г. Флоровский. Указ. соч., с. 344 сл.: полный перечень экзегетических трудов Бухарева приведен в готовящейся для МДА работе: прот. А. Мень. Словарь по библиологии. 1984, т. 1 (машинопись).

³² Г. Флоровский. Указ. соч., с. 196.

³³ См. о нем: Вениамин (Яковенко), архим. Филарет, архиепископ Черниговский.— ЖМП, 1966, № 10 (там же приведена библиография трудов Филарета).

³⁴ О нем см.: прот. Т. Буткевич. Иннокентий. архиепископ Херсонский. СПб., 1887.

³⁵ О нем см. в сборнике «У Троицы в Академии» (М., 1914).

³⁶ Цит. по Н. А. Астафьеву. Указ. соч., с. 146.

³⁷ См. ЖМП, 1977, № 1, с. 78.

³⁸ О нем и его трудах см.: прот. А. Мень. Указ. соч., т. 4.

³⁹ Михаил (Лузин), архиеп. Библейская наука. Тула, 1898, кн. 1, с. 149.

⁴⁰ См. И. Соловьев. Заслуженный профессор богословия Московского университета Н. А. Елеонский.— БВ, 1910, № 12; перечень трудов Елеонского см. в указ. соч. прот. А. Мень, т. 2.

⁴¹ См. о нем: ПБЭ, т. 2.

⁴² См. о нем и о его трудах в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона (1 изд.), т. 33 и 4-й дополнит.

⁴³ О Муретове см.: Симон (Новиков), архим. (ныне архиеп.). Профессор Московской Духовной Академии М. Д. Муретов и его труды по Четвероевангелию.— ЖМП, 1872, № 4 (там же указана и библиография).

⁴⁴ См. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 1 и ПБЭ, г. 2 (статья: Богдашевский Д. И.).

⁴⁵ О Глаголеве см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 2. Список трудов Рыбинского приведен в его работе «Самаряне»; главная библейская монография С. М. Зарина: «Мифологическая теория Дрекса и ее разбор». СПб., 1911; о нем см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 2.

⁴⁶ Перечень основных трудов П. А. Юнгера приведен в дополнении к русскому пер. кн.: Ф. Вигуру. Руководство к чтению и изучению Библии. М., 1916. т. 1, с. 323—324.

⁴⁷ О проф. МДА Г. Воскресенском см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 1.

⁴⁸ О нем см. архим. (ныне еп.) Агафангел (Саввин). Епископ Порфирий (Успенский).— ЖМП, 1975, № 5—6; М. Ястребов. Епископ Порфирий Успенский.— ЖМП, 1957, № 8.

⁴⁹ См. о нем. С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей. Пг., 1915, т. 1.

⁵⁰ О Воронцове и его трудах см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 1.

⁵¹ См. В. Бронский. Профессор А. И. Иванов.— ЖМП, 1977, № 11.

⁵² Хрисанф (Ретивцев), епископ. Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1873—1875; см. о нем: П. Знаменский. История Казанской Духовной Академии, т. 1—3.

⁵³ См. о нем Л. А. Липин. М. В. Никольский — отец русской ассириологической науки.— Ученые записки Ленинградского гос. университета. 1954, в. 4; перечень его трудов см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 4.

⁵⁴ См. о нем и его трудах статьи в ТКДА, 1907, № 10.

⁵⁵ П. И. Савваитов. Православное учение о способах толкования Св. Писания. СПб., 1857; его же. Библейская герменевтика. СПб., 1859. О нем см. Исторический вестник, 1895, № 9; ЖМНП, 1895, № 9.

⁵⁶ См. Сурпrien (Kern). Les Traductions Russes des textes patristiques. Chevetogpe, 1957.

⁵⁷ О нем см. свящ. Н. Колосов. Профессор Н. И. Корсунский.— В кн.: У Троицы в Академии. М., 1914, с. 722—724.

⁵⁸ Н. Бердяев. Самопознание. Париж, 1949, с. 193. О нем см. прот. В. Зеньковский. История русской философии. Париж, 1950, т. 2, с. 298 сл.; Н. О. Лосский.

История русской философии. М., 1954, с. 236 сл.; Т. Ф. Клепинин. Библиография Н. А. Бердяева, 1978.

⁵⁹ С. Бездобразов. Принципы православного толкования слова Божия. — «Путь», 1928, № 13; о нем см. ниже.

⁶⁰ Архим. Киприан (Керн). Золотой век святоотеческой письменности. Париж, 1966, с. 113.

⁶¹ О С. Сольском см. ТКДА, 1900, № 12; о Н. Дроздове: прот. А. Мень. Указ. соч., т. 2; об Иринее Орде и А. Верховском — там же, т. 1; о В. Михайловском — там же, т. 4; об А. Жданове в предисловии к его книге: Из чтений по Священному Писанию Ветхого Завета. Сергиев Посад, 1914, в. 1; о П. Соллярском — Церковный вестник, 1890, № 19.

⁶² О Лопухине см. Церковный вестник, 1904, № 36; «Странник», 1905, № 9.

⁶³ О Скабаллановиче см. А. Н. Профессор М. Н. Скабалланович и его вклад в православную богословскую науку. — ЖМП, 1973, № 3 (там же указана библиография его трудов). Н. Розанов кроме комментариев для «Толковой Библии» написал «Обозрение посланий св. ап. Павла» (М., 1886). Проф. А. И. Покровскому принадлежит работа «Библейское учение о первобытной религии» (Сергиев Посад, 1901) и ряд статей на библейские темы.

⁶⁴ Г. К. Властов. Священная летопись первых времен мира и человечества. СПб., 1876—1878, т. 1—3. О других трудах Властова см. ПБЭ, т. 3.

⁶⁵ О еп. Виталии (Гречулевиче) см. Антоний (Мельников), архиеп. (затем митр.). Епископ Могилевский и Мстиславский Виталий Гречулевич. — ЖМП, 1975, № 9. Перечень трудов еп. Феофана Говорова см. в БТ, сб. 14; о нем: И. Н. Корсунский. Преосвященный епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. М., 1895. О Никаноре Каменском см. ПС, 1910, № 12; Церковные Ведомости, 1910, № 49; Исторический Вестник, 1911, № 1. Прот. А. Полотебнов был редактором единственного в России библейского журнала «Радость христианина» и автором «Руководства к последовательному толковательному чтению Евангелия» (М., 1906, кн. 1).

⁶⁶ О еп. Палладине Пьянкове, авторе толкований на пророков, см. Московские Церковные Ведомости, 1882, № 4. Еп. Петр Екатеринбургский написал «Объяснение книги св. пророка Исайи» (М., 1887). О еп. Виссариионе Нечаеве авторе толкования на «паремии», ветхозаветные церковные чтения, см. А. Вольгин. Памяти епископа Виссарииона (Нечаева). — ЖМП, 1972, № 2. Об архиеп. Иоанне Смирнове, авторе толкований на пророков, см. А. Родосский. Ук. соч., с. 186. О еп. Димитрии (Вознесенском), авторе толкования на Псалтирь и Апокалипсис, см. ЖМП, 1947, № 2.

⁶⁷ Толкование Евангелия. СПб., 1913 (4-е изд.). О прочих трудах Гладкова см. прот. А. Мень. Ук. соч., т. 2.

⁶⁸ П. А. Юнгерова. Книга пророка Аввакума. 1885. Книга притчей Соломоновых. Казань, 1908; Книга пророка Исайи. Казань, 1909; Книга пророка Иеремии и Плач Иеремии. Казань, 1910; Книга пророка Иезекииля. Казань, 1911; Книга пророка Даниила. Казань, 1912; Книги XII малых пророков. Казань, 1913. Проч. труды Юнгерова указаны в приложении В. Воронцова к кн.: Ф. Вигуру. Руководство к чтению и изучению Библии. М., 1916, т. 1. Митр. Харьковскому Антонию принадлежит толкование на пр. Михея (М., 1887) и кн. «Творения св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова» (Варшава, 1928); об Антонии см.: Никон (Рклицкий). Биография Антония, митрополита Киевского. Нью-Йорк, 1956—1964, т. 1—10. Еп. Феофану Быстрову, ректору СПб. Духовной Академии принадлежит монография «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя». СПб., 1905. О нем см. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи, 1956 (машиннопись МДА). Прот. Александру Рождественскому, проф. Петербургской Академии, а затем проф. в Софии, принадлежит монументальный экзегетический труд «Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. Введение, перевод и объяснение по еврейскому тексту и древним переводам» (СПб., 1911). О прот. Платонове и прот. В. Четыркине см. ЖМП, 1948, № 12, 1949, № 11. Об архиеп. Варфоломее Ремове, толкователе книги пр. Аввакума (1913) см. прот. А. Мень. Ук. соч., т. 1.

⁶⁹ См. И. С. Знаменский. Систематический указатель статей, находящихся в русских духовных журналах по предмету Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета. Полтава—Казань, 1880—1890; указатели к БВ, ХЧ, ПС, ТКДА, ЧОЛДП и труды, указанные в прим. 10.

⁷⁰ А. П. Лопухин. Библейская история при свете новейших исследований и открытий. СПб., 1889—1895, т. 1—3. Второе издание, начатое в 1915 г., завершено не было.

⁷¹ О Богородском см. ПБЭ, т. 2. М. Э. Поснов был проф. Священного Писания в Киевской Академии, а затем в Софии. Перечень трудов его см. в его книге «История христианской Церкви» (Брюссель, 1964). О митр. Иосифе Петровых см. ПБЭ, т. 7 и митр. *Мануил* (Лемшевский). Указ. соч., т. 3.

⁷² Главная работа прот. А. Смирнова: «Мессиянские ожидания и верования иудеев около времени Иисуса Христа» (Казань, 1899). Им переведены Кн. Еноха, Юбилеев, Завет XII Патриархов и Псалмы Соломона.

⁷³ О прот. П. Матвеевском см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 4. О М. Богословском: П. Юнгеров. Памяти проф. М. И. Богословского. Казань, 1916. О прот. И. Артоболевском см. ПБЭ, т. 1; о еп. Евдокиме (Мещерском) см. митр. *Мануил* (Лемшевский). Русские Православные иерархи. 1966, т. 3 (машиннопись); об архим. Григории Борисоглебском см. свящ. Н. Миловский. Воспоминания об о. архим. Григории (Борисоглебском). М., 1897; труды М. Муретова указаны в ЖМП, 1972, № 4; из работ проф. МДА М. Иванова укажем следующие: Язык Библии.—ЖМП, 1975, № 8; *его же*. Особенности библейской терминологии.—ЖМП, 1975, № 10; *его же*. Псалтирь — книга молитвы.—ЖМП, 1979, № 9; *его же*. Библейская стилистическая симметрия.—ЖМП, 1981, № 7.

⁷⁴ См. о нем Церковный вестник, 1913, № 2.

⁷⁵ См. А. Ф. Лосев. Вл. Соловьев. М., 1983. Там же указана и основная библиография; наиболее полная приложена к 12 тому 3-го изд. Собрания сочинений философа (Брюссель, 1970).

⁷⁶ Сочинения С. Н. Трубецкого изданы в 6 томах (М., 1906—1912). Библиографию о нем см. в ст. А. Полякова (Философская энциклопедия, М., 1970, т. 5), а также в ук. трудах по русской философии Н. О. Лосского и прот. В. Зеньковского.

⁷⁷ См. А. Игнатев. Памяти проф. Н. Н. Глубоковского. — ЖМП, 1966, № 8. Уже после опубликования этой статьи вышла книга Глубоковского об Апокалипсисе «Откровение славы Божией». Джорданвилль, 1966.

⁷⁸ О нем см. НЭС, т. 28; прот. А. Мень. Ук. соч., т. 4.

⁷⁹ М. Ф. Оксюк. Учение ап. Павла об оправдании. Киев, 1914 (о митр. Макарии см. ЖМП, 1961, № 4); архиеп. *Питирим* (Нечаев). Пастырская дидактика апостола Иоанна Богослова.—ЖМП, 1984, № 3; архиеп. *Михаил* (Мудьюгин). Любовь к Богу и к людям в Ветхом и Новом Завете.—ЖМП, 1964, № 10; *его же*. Вера в богословии ап. Павла.—ЖМП, 1982, № 12.

⁸⁰ Прот. С. Булгаков. Православие, с. 67. Экзегеты русской православной библейско-исторической школы не оставили цельного библейского курса, в котором были бы суммированы их концепции. В какой-то мере этот пробел заполнен автором данной статьи в работе «Опыт изложения ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейской исторической школы и новейших исследований». Загорск, 1983 (машиннопись МДА) и др. его книгах на темы Священного Писания.

⁸¹ Еп. *Филарет* (Филаретов). Происхождение книги «Екклезиаств». Киев, 1885; экзегетические работы В. Н. Мышцина, П. С. Тычинина, прот. А. Петровского опубликованы в «Толковой Библии».

⁸² А. Жданов. Откровение Господа Иисуса Христа о семи азиатских церквях. М., 1891.

⁸³ А. Ельчанинов. История религии. М., 1909 (о нем см. в предисловии к его книге «Записки», 4-е изд. Париж, 1978). Статьи И. Д. Андреева помещены в НЭС, где он вел библейский отдел.

⁸⁴ Древний Восток. Памяти академика Бориса Александровича Тураева. М., 1980, сб. 2, с. 25. В том же сборнике приведена полная библиография работ Тураева и литература о нем.

⁸⁵ О Б. И. Сове см. БТ, 1968, сб. 4, с. 37; об А. В. Карташове см. еп. *Кассиан* (Безобразов). Антон Владимирович Карташев.—Православная мысль, 1957, № 11.

⁸⁶ О еп. Кассиане см. прот. А. Мень. Указ. соч., т. 4.

⁸⁷ Труды прот. А. Князева публиковались главным образом в «Православной мысли» (Париж); перечень их см. в указ. соч. прот. А. Мень, т. 4.